

К. С. Пигров¹

ЦЕННОСТЬ ТРУДА КАК УСЛОВИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Доклад посвящается российским профессиональным союзам

Мой доклад нацелен на то, чтобы привлечь внимание теоретиков к аналитике трудолюбия. Трудность темы состоит в том, что современный Запад заметно охладел к ней. На первый план там сегодня выдвигается не труд, а досуг, частная жизнь в обществе потребления. Поскольку наша российская философия в значительной мере «переводная», то такого рода аксиологические акценты могут перейти и к нам. И для Запада такое смещение интереса не оправдано. Тем более, оно не оправдано и даже опасно для российской цивилизации, как не оправдано и опасно также и для Третьего мира. Возможность единой глобальной цивилизации в будущем реальна, но вовсе не предрешена. Условие воз-

можности такой цивилизации, которой еще никогда в мире не бывало, состоит в точном выборе базовой ценности, которая могла бы объединить все человечество. Я полагаю, что такой ценностью является ценность труда.

Самым важным и радикальным путем решения тех мучительных проблем, которые беспокоят современного цивилизованного человека, его сознанию представляется потребление. Радикальный дефицит условий воспроизводства жизни, нехватка пищи, нехватка одежды, недостаточно хорошие жилищные условия, плохой транспорт, неудовлетворительная медицина, словом, недостатки в потреблении, дефицит предметов потребления — вот что главным образом является источником тоски и упаднического настроения, утраты смысла жизни как западного человека, так и вообще всех тех людей, которые уже так или иначе вкусили блага современного «общества потребления». Причем никакие технические достижения, никакое повышение производительности не могут здесь помочь. Все равно появятся новые потребности, которые снова окрасят жизнь в минорные тона. Суть проблемы кроется в том, что в такого рода несчастном созна-

¹ Заведующий кафедрой социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор. Автор свыше 200 научных работ, в т. ч. монографий: «Творчество и современность», «Научно-техническое творчество: социально-философские проблемы», «Социальная философия», «Восточная Европа: концерт культур», «Феномен самодеятельного философствования», «Шепот демона: опыт практической философии» и др. Главный редактор журнала «Методические записки» (СПбГУ), член редколлегии журнала «Личность. Культура. Общество».

нии господствует трагический разрыв потребления и производства.

Проблема может быть решена только в том случае, если не потребление будет поставлено в центр жизненного мира, а производство, не «наслаждение благами», а производство их.

Особенно опасными потребительские ориентации оказываются для жителей тех стран, которые не прошли жесткой школы протестантской этики, и/или по ряду причин утратили свои собственные традиционные формы трудолюбия и в то же время были воспитаны в духе патернализма, в надежде, что власть, государство «должны обеспечить» высокий стандарт потребления. В постсоветской России опасность такого рода весьма велика. В советский период существовали попытки разработать свой вариант трудовой этики на основе марксистского тезиса о «труде как о первой жизненной потребности». К сожалению, они не дали сколь-нибудь существенных результатов, хотя сама по себе эта установка должна быть оценена в целом позитивно. Как бы там ни было, сегодня в новых экономических и духовных условиях мы вынуждены заново формировать ценность труда как базовой ценности для российской цивилизации. Та же проблема существует и в целом ряде стран третьего мира, да и в самих развитых западных странах ценность трудолюбия незаметно отходит на второй план.

Что касается России, то в разработке новой российской идеологии, так называемой «русской идеи», роль труда как ценности должна занять важное место. Собственно, только в том случае, если в нашем Отечестве будет возрождена добродетель трудолюбия, мы можем рассчитывать на то, что сумеем не только достойно войти в сообщество современных высокочивилизованных стран, но и принять участие в создании новой постиндустриальной цивилизации.

Уже Аристотель сформулировал принцип, который лег в основу всего дальнейшего обоснования трудолюбия в этике. Речь идет о том, что человеческие существа получают радость от самой реализации своих способностей (врожденных и приобретенных), и это удовольствие возрастает по мере роста этих способностей и их сложности. В новоевропейской философии обоснование трудолюбия шло по двум путям.

Во-первых, концепция привлекательного труда как потребности здорового организма развивалась Шарлем Фурье. Бог был бы «неумелым механиком», если бы в природе человека не было бы соответствующих необходимому труду естественных склонностей. Фурье выступал против того, чтобы рассматривать труд как долг и обязанность. Долг придуман моралистами для того чтобы удушить естественные порывы человека, поработить его в «строе цивилизации». Правильно организованный труд, поскольку он лежит в самой человеческой природе, будет способствовать взлету всех страстей человека. Иными словами, труд — необходимое условие полноты бытия каждого человека.

Во-вторых, от Канта, Фихте и Гегеля идет традиция рассмотрения труда как деятельности позитивной свободы. Здесь существенна полемика с концепцией естественного права, акцент на различии между волей и произволом, недопустимость сведения воли к естественным влечениям. Следование естественным склонностям — это не свобода, а порабощение естественной необходимостью. Целью разума вообще не являются удовольствия как таковые. Цель разума состоит в удалении посредством труда естественной простоты, непосредственности и единичности, в которую погружен дух. Культура (*die Bildung*) есть освобождение труда и труд освобождения. Культура есть тяжкий труд, направленный против непосредственности стремлений. Труд неотъемлем от развитого человека. Именно потребность и привычка чем-либо заниматься отличает человека культурного от варвара. Сама способность с терпением выносить тяжесть труда является одной из отличительных черт человека по отношению к животному: «человеку как духу живется не так легко, как животному, да ему, как духу, и не должно так легко житься» (Гегель).

Суровость и ригоризм философского обоснования протестантской трудовой этики в немецкой классической философии снижается тем обстоятельством, что абсолютная идея, отпуская себя в мир и потом, с помощью напряженного труда, себя там обнаруживающая, ничем не рискует. Поскольку счастливый конец в системе абсолютного идеализма гарантирован, то тяжкий труд лишен подлинной ответственности и настоящей серьезности. Субъект работает как бы со «страховочной сеткой». Радикальная историческая неудача невозможна. История все равно «в конечном счете» зализает раны, нанесенные ей волюнтаризмом и авантюризмом. Возведение труда на пьедестал долга обесценивается произвольностью и гарантированной беспроигрышностью игры абсолютной идеи. Предустановленная гармония, с позором выгнанная в протестантскую дверь, влетает в окно абсолютного идеализма.

Между тем, трагизм человеческого бытия в том, что успех его деятельности не гарантирован. Судьба человека — это судьба Каина или судьба Сальери: люди могут прилежно трудиться, отдавать все силы, жертвовать собой в труде, но счастливый финал в этом стохастическом мире вовсе не обязателен. Существует судьба, которая означает, по существу, неизбежность контакта с системой, на порядок более сложной, чем то, что может охватить наш разум, чем то, что может охватить наша деятельность.

Для новейшего философствования, подготовленного романтическим видением мира, но в полной мере начавшегося с Шопенгауэра, Маркса и Ницше, в мире нет предустановленной гармонии между потребностью в труде, желанием труда с одной стороны, и необходимостью труда — с другой. Хотя, возможно, труд и возник из архаической игры, но в современной цивилизации он уже не есть игра и не может вернуться в состояние блаженной вневольной активности. В то же время труд не есть и некое

фатальное проклятье за первородный грех, не есть некая деятельность, органически и принципиально неприемлемая для человека.

Маркс и Энгельс, для которых идея труда как первой жизненной потребности в будущем обществе была весьма важна, ибо она являлась гарантом построения коммунистического общества, непоследовательно колебались между концепцией труда как потребности здорового организма с одной стороны и труда как долга и высочайшего напряжения — с другой стороны. Историческая философия Маркса предполагала, что сформировавшаяся в архаике естественная потребность в труде на уровне игры отчуждается в цивилизованном обществе, обретая превращенные формы. С одной стороны, возникает тупое рабское исполнение подневольных, чуждых человеку задач, связанное с чрезмерностью физического, а потом, в буржуазном обществе, и умственного, нервного напряжения. Лицемерная индоктринация, обращенная именно к жертвам такого подневольного труда, проповедует идею труда как долга. Но к такой проповеди не может быть доверия. С другой стороны, труд превращается в весьма своеобразную и тоже отчужденную деятельность. Речь идет о страсти к наживе. Предпринимателем руководит не жажда непосредственного потребления, но стремление «конденсировать», организовать, сформировать чужой труд, — по сути иррациональное стремление, выступающее как самоцель. Страсть к наживе, предпринимательский порыв предстает как инобытие подлинного трудолюбия, как превращенная форма потребности в труде, хотя деятельность капиталиста и не является трудом в обычном смысле слова. Оказывается, что *страсть к наживе — той же природы, что и страсть к инновациям*, а потому в буржуазном обществе, где предприниматель и изобретатель образуют, как правило, творческий «тандем», прибыль представляет собой в некотором роде вознаграждение за творческую инициативу, а гонорар изобретателя по своей природе являет собой часть прибыли, но ни в коем случае не «плату за труд» изобретателя.

Одной из трагических проблем стран социализма было как раз то, что, уничтожая саму возможность получения прибыли, уничтожали и стимул к творчеству. Поэтому, хотя партийно-государственные органы и пытались подменить собой функции предпринимателей, концентрируя задачи по преимуществу в военно-технических областях, но рано или поздно социалистические страны в научно-техническом прогрессе, в развитии цивилизации в целом, отставали от своих капиталистических конкурентов (ср. ФРГ и ГДР, Южную и Северную Корею и т. д.).

Попытаемся наметить основные черты современного труда, который принес такой успех развитым странам Запада. При всем бесконечном многообразии такой труд предполагает, что в нем обязательно присутствует момент интенсивнейшего напряжения, подлинной серьезности, и в то же время — риска, негарантированности успеха. Гарантия присутству-

ет только в простейших видах труда, которым с помощью стандартных дидактических приемов может быть за ограниченное время обучен каждый. Подлинный труд, сложный и ответственный, выступает в качестве универсальной формы самоосуществления человека, его свободы, а потому обладает бесконечной притягательностью для каждой индивидуальности. Для современной России задача состоит в том, чтобы возродить ценность всего многообразия трудовой активности в цивилизации, его глубинную внутреннюю связь с православием, с традицией русской культуры, с традициями и религиями других народов России. Мы должны видеть и культивировать своеобразие различных форм трудовой этики в нашей стране, перенимать и развивать умение трудиться китайцев и японцев, немцев и евреев, американцев и голландцев. Мы должны объявить войну нашей лени и неряшливости, нашему русскому авось-бытию, заново раскрыть русскую основательность и тщательность, смекалку и надежность, истовость серьезности и неистовость сосредоточенности.

Особое внимание следует уделить такому модусу труда в постиндустриальном обществе, как терпение. Терпение вообще — это особый способ видения мира и воздействия на вещи, особая жизненная позиция, связанная с преодолением самого себя, своей собственной вспыльчивости, поспешности, возбудимости. Именно этот способ видения мира необходим в труде, именно этот способ воздействия на вещи в труде и должен культивироваться. Труд не есть только средство для получения каких-то материальных благ. В нем самом не меньшая ценность, чем в тех удовольствиях, которые могут быть получены с его помощью. В противоположность нетерпению, работе наспех, авось как, только бы скорей получить результат, терпение в труде предполагает направленность всех сил на удержание реакции, на замедление эмоционального порыва, на охлаждение страсти. Терпение есть форма сохранения силы в труде, — интенсивный, творческий поиск свободы. Терпение в труде — это борьба с идолом пожирающего времени. Медлительность, независимость от времени, внутреннее спокойствие перед ним, сдержанность и молчаливость — вот характеристики труда постиндустриальной эпохи. Терпение в труде может быть сравнено с путем, который открывается при выходе из платоновской пещеры. Если выйдешь слишком быстро, будешь ослеплен чрезмерным количеством света, если слишком быстро вернешься, чтобы освободить товарищей, будешь ослеплен темнотой. Философия труда учит медленности и тщательности без ограничений. Ошибка — дочь поспешности. Не нужно спешить, не боясь потерять время, мы, в конечном счете, выиграем его. Морок «высокой производительности труда» как самоцели должен быть преодолен. Терпение как трудовая добродетель глубоко экологично. Оно предполагает позволить природным процессам идти своим ходом, в процессе труда внимать судьбоносности каждого момента, находить в любом случайном рисунке реальности его внутреннюю закономерность и красо-

ту. Терпение в труде будущего противостоит вульгарности индустриализма. Его эквивалент в классической философской традиции — понятие труда как деятельности свободы.

Таким образом, именно формирование и/или возрождение на новой постиндустриальной основе ценности труда во всех странах, в частности — того тысячелетнего российского трудолюбия, которое украсило нашу землю прекрасными храмами, замечательной светской архитектурой, которое породило неповторимую культуру, в том числе и индустриальную, техническую, является сегодня для нас самым

важным. Именно новое трудолюбие — тот ключевой пункт, который позволит выстроить глобальную цивилизацию, а России — достойно в нее войти.

Любовь к труду — это выход за пределы своего «я». Лозунг «Все для человека, все для блага человека» принципиально неверен. Индивид — не последняя цель общественного развития. Человек может реализоваться тогда, когда он идентифицируется в труде с высшим началом мира, с Абсолютом. Глобальная цивилизация будет возможна, если люди примут нравственную ценность труда как базовую.